

Ефремов Николай Николаевич

доктор филологических наук,
главный научный сотрудник
Института гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук
nik.efrem50@mail.ru

Efremov Nikolay Nikolaevich

Doctor of Philology,
chief researcher of
the Research Institute of Humanitarian Researches
and Problems of Indigenous Peoples of North of
the Siberian Branch of
the Russian Academy of Sciences
nik.efrem50@mail.ru

**ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ
В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ
(НА МАТЕРИАЛЕ
ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА)**

**EVIDENTIALITY
IN THE TURKIC LANGUAGES
(ON THE MATERIAL OF
THE YAKUT LANGUAGES)**

Аннотация:

В статье впервые в якутском языкознании рассматривается семантическая категория эвиденциальности в якутском языке в сопоставлении с некоторыми тюркскими языками Южной Сибири. Выделяются и описываются совмещенные и специализированные средства выражения данной категории. Последние в якутском языке в отличие от сопоставляемых языков имеют частицы, образованные от имен.

Ключевые слова:

эвиденциальность, конструкция, частица, форма, семантика, структура, перфект, наклонение.

The summary:

This article for the first time in the Yakut linguistics considers the semantic category of evidential in the Yakut language in comparison with some of the Turkic languages of South Siberia. The combined and specialized means of the expression in this category are identified and described. The last in the Yakut language, in contrast to the compared languages have particles formed from the nouns.

Keywords:

evidentiality, construction, particle, form, semantic, structure, perfect, mood.

Под эвиденциальностью подразумевается функционально-семантическая категория, обозначающая источник получения информации. Она подразделяется на прямую и косвенную эвиденциальность. При прямой засвидетельствованности (эвиденциальности) свидетелем факта, явления передаваемой языковой информации является непосредственно говорящий, тогда как при косвенной эвиденциальности информация получается из чужих рук.

В различных языках имеются разные средства выражения обсуждаемой категории. Например, если в русском языке данная категория представлена лексическими и синтаксическими средствами, то в тюркских языках помимо этих средств имеются и морфологические, которые являются ядерными / центральными в функционально-семантическом поле (ФСП) эвиденциальности. Следует отметить, что в тюркских языках данная категория является одной из ведущих категорий в их семантической системе.

В тюркологии рассматриваемая категория изучена в турецком, алтайском, тувинском и других языках [1; 2; 3; 4].

В якутском языке, как и в других тюркских языках, категория эвиденциальности выражается совмещенными и специализированными средствами. Совмещенные средства – это временные формы наклонений глагола, в первую очередь изъявительного. В качестве специализированных средств выступают синтетико-аналитические формы, то есть глагольные / причастные формы в сочетании с определенными эвиденциальными частицами (*yһy, сурахтааҕа* 'говорят').

Рассмотрим эти формы.

Временные формы глагола изъявительного наклонения как средства выражения эвиденциальности

Изъявительное наклонение в тюркских языках имеет три времени: прошедшее, настоящее и будущее. В выражении эвиденциальности участвуют определенные формы настоящего и прошедшего времени. Настоящее актуальное время, которое оформляется аналитически – «деепричастие на –а + глагол позиции (*олор-* 'сидеть', *тур-* 'стоять', *сыт-* 'лежать')», «деепричастие на –ан + ис- 'идти'», характеризует говорящего как непосредственного наблюдателя происходящего в момент речи события: *Уол аһыы олорор* 'Мальчик кушает (в данный момент)'; *Кыыс кэлси турар* 'Девочка рассказывает'; *Ийэм утуйа сытар* 'Мать спит'; *Массыына кэлэн иһэр* 'Едет (сюда) машина'.

Прошедшее время выражается множеством форм. В якутском языке оно имеет восемь разновидностей [5], из которых недавнопрошедшее и преждепрошедшее время содержат в своей семантической структуре сему очевидности / прямой эвиденциальности и потому описывают события, в которых свидетелем обычно является говорящий. Например: *Массыына кэллэ* 'Машина приехала' (недавнопрошедшее время); *Массыына кэлбитэ* (перевод тот же; преждепрошедшее время). Остальные формы прошедшего времени – подобной семьей не характеризуются.

В других тюркских языках (алтайском, тувинском, турецком) форма недавнопрошедшего времени – претерит – и форма на –*мыш*, –*ган* (аналоги якутского –*быт*) также участвуют в выражении эвиденциальности, что свою очередь свидетельствует об архаичности данной категории, которая образовалась в условиях контактного проживания предков современных тюрков.

Формы на –*быт*/–*быт эбит*, снабженные аффиксом сказуемости, выступают в функции перфекта, который описывает результат совершенного действия. Потому такая форма употребляется и для выражения косвенной засвидетельствованности: *Аһам кэлбит / кэлбит эбит* 'Оказывается, мой отец пришел' (говорящий передает информацию о приходе отца не как свидетель этого события, а описывает по его результату или узнав об этом у других). Подобная форма в других тюркских языках (например, сибирских) тоже употребляется в аналогичной функции, что указывает на древний характер данной формы и ее аналогов (–*мыш*, –*ган*). Однако эти формы полифункциональны и образование специализированных средств выражения эвиденциальности имело место в более поздний период развития тюркских языков, что будет показано ниже при анализе средств выражения косвенной эвиденциальности.

Специализированные средства выражения эвиденциальности

Подобные средства оформляются аналитически – сочетанием глагольных / причастных форм с эвиденциальными частицами *үһү*, *сурахтааһа*. Первая частица образована от архаичного имени *өс* 'слово', 'речь' посредством формы принадлежности третьего лица, единственного или множественного числа ('его/их речь, чья-та речь/чьи-то речи' / 'его/их слово/слова/ чье-то слово/чьи-то слова'). Например: *Уйбаан кэлбит үһү* 'Говорят, приехал Иван / Иван приехал'; *Оһолор барбыт үһүлэр / барбыттар үһү* 'Говорят, дети уехали'.

Частица *сурахтааһа* по сравнению с *үһү* является средством выражения косвенной эвиденциальности, которое сформировалось относительно позже и употребляется менее частотно. Она образована от имени *сурах* 'известие', 'весь' при помощи аффикса обладания –*лаах* и показателя принадлежности 3 лица, единственного или множественного числа.

Если формы *үһү* используются для выражения языковой информации, фактический источник которого не входит в зону знаний говорящего, то конструкции с *сурахтааһа* описывают сообщение, которое получено слуховым – аудитивным – способом в виде определенной вести. *Мунньах буолар сурахтааһа* 'Был слух (известие), что (сегодня) будет собрание'. При этом формами с *үһү* может выражаться и достоверная информация; последними же обозначается сообщение, характеризующееся как некий слух, что может оказаться и недостоверным.

В тюркских языках Южной Сибири косвенная эвиденциальность описывается аналитическими средствами, образованными от служебных глаголов. В связи с этим нужно отметить, что именно происхождение якутских частиц с подобным же значением показывает автономное формирование обсуждаемых показателей данной разновидности засвидетельствованности в якутском языке, то есть в условиях неконтакта с вышеназванной группой языков. В алтайском языке формы пересказывательности – косвенной эвиденциальности – образованы на базе глагола говорения *де-* 'говорить' в безличной форме 3-го лица с аффиксом совместного залога =*ж*/=*ш*: *де=ж=ет*, *де=ж=ер* 'говорят', *де=ш=кен* 'говорили'. В якутском языке функционирует неопределенно-личная форма глагола говорения *диһллэр* (<*диэ=иир=лэр*: 'говорить'=аффикс настоящего-будущего времени=аффикс третьего л., множественного ч.) 'говорят', которая употребляется как синтаксическое средство передачи значения пересказывательности. Эта форма по сути является аналитическим / синтаксическим эквивалентом синтетико-аналитического – морфологического – средства (частицы *үһү*). Ср.: *Кэлбит диһллэр / үһү* 'Говорят, что он приехал / Говорят, он приехал'. Как видно из приведенного примера, якутская неопределенно-личная форма *диһллэр* в отличие от типологически близкой алтайской структуры не грамматизировалась и употребляется в изъяснительных сложноподчиненных предложениях.

В тувинском языке обсуждаемая разновидность эвиденциальности передается аналитическими конструкциями «деепричастие на –*ыл*+ частица –*тыр*», выражающими не только пересказывательность, но и миративность – неожиданность события. В этом аспекте данные конструкции сближаются с якутскими перфектными структурами с частицей *эбит* 'оказываются': *Кини барбыт эбит* 'Оказывается, он (уже) ушел' (говорящий сообщает об уходе другого лица не как непосредственный наблюдатель, а как косвенный; подобное событие может быть и неожиданным для него).

Таким образом, как показывает сопоставительный анализ средств выражения эвиденциальности с некоторыми тюркскими языками, данные средства имеют типологическую общность. При этом синтетико-аналитические конструкции, обозначающие косвенную эвиденциальность, характеризуются структурой с именным постпозитивным компонентом / частицей в отличие от тюркских языков Южной Сибири.

Ссылки:

1. Баджанлы Эйюп. Категория эвиденциальности в турецком языке в функционально-семантическом аспекте (В сопоставлении с алтайским языком): автореф. ... канд. дисс. филол. наук. М., 2005.
2. Скрибник Е.К., ОзONOва А.А. Средства выражения засвидетельствованности и миративности в алтайском языке // Пути формирования лингвистического ландшафта Сибири. Новосибирск, 2005. С. 120–146.
3. Шамина Л.А. Средства выражения эвиденциальности и миративности в тувинском языке // Пути формирования лингвистического ландшафта Сибири. Новосибирск, 2005. С. 146–158.
4. Ефремов Н.Н. Средства выражения косвенной эвиденциальности в якутском языке // Сибирский филологический журнал. 2010. № 1. С. 152–156.
5. Коркина Е.И. Наклонения глагола в якутском языке. М., 1970.

References (transliterated):

1. Badzhanly Eiyup. Kategoriya evidentsial'nosti v turetskom yazyke v funktsional'no-semanticheskom aspekte (V sopostavlenii s altayskim yazykom): avtoref. ... kand. diss. filol. nauk. M., 2005.
2. Skribnik E.K., Ozonova A.A. Sredstva vyrazheniya zasviditel'stvovannosti i mirativnosti v altayskom yazyke // Puti formirovaniya lingvisticheskogo landshafta Sibiri. Novosibirsk, 2005. P. 120–146.
3. Shamina L.A. Sredstva vyrazheniya evidentsial'nosti i mirativnosti v tuvinskom yazyke // Puti formirovaniya lingvisticheskogo landshafta Sibiri. Novosibirsk, 2005. P. 146–158.
4. Efremov N.N. Sredstva vyrazheniya kosvennoy evidentsial'nosti v yakutskom yazyke // Sibirskiy filologicheskiy zhurnal. 2010. No. 1. P. 152–156.
5. Korkina E.I. Nakloneniya glagola v yakutskom yazyke. M., 1970.